

Научная статья

УДК 930.24

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-176-187

**Русский язык на Аляске: культурно-исторический след
российского освоения Северной Америки**

Марина Константиновна Раскладкина

Инженерно-технологический центр «СканЭкс», г. Москва, Россия
marina.raskladkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4898-1488>

В статье анализируются подходы к созданию хронологии освоения Россией Аляски и Алеутских островов, выделяются значимые исторические периоды, отвечающие магистральной цели наших исследований. Эта цель состоит в описании русского языка в динамике как неотъемлемой части уникальной культуры, сформировавшейся в среде креолов (носителей отцовской культуры российских колонистов и материнской – представительниц коренного населения), культуры, находящейся в центре социальных взаимодействий и эти взаимодействия определяющей. Вопрос актуален для изучения, поскольку вносит вклад в описание феноменов взаимовлияния культур. «Русский» период Аляски признаётся исследователями, как отечественными, так и зарубежными, как значимая эпоха в жизни американского штата, во многом определившая его настоящую историю. Аляскинский русский язык являлся языком-посредником между выходцами из России и носителями коренных языков и использовался в общении практически до середины XX в. В настоящее время он существует как культурный артефакт, им фрагментарно владеют единицы потомков креолов весьма преклонного возраста. Целью данного исследования является создание исторического контекста возникновения аляскинского русского языка и определение условий его проникновения и закрепления на территории Русской Америки. В ходе исследования выявлено, что главным условием для этих процессов являлось существование постоянных функционально активных поселений, где по-русски говорили в семье, в общине, использовали язык для торговых и профессиональных контактов. И эта ситуация наблюдалась в ряде мест Аляски вплоть до середины XX в. Приведённые в статье данные подтверждают мнение, что сохранившиеся до наших дней православная традиция и русский язык являются главными признаками долгосрочного культурного влияния России на Аляске. В исследовании использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод. Исследуя влияние языка на социальную жизнь, автор придерживается методов лингвистической антропологии и исторической антропологии.

Ключевые слова: аляскинский русский язык, Аляска, Русская Америка, колонизация, креолы

Original article

Alaskan Russian: Cultural and Historical Trace of the Russian Expansion in North America

Marina K. Raskladkina

ScanEx Engineering and Technology Center, Moscow, Russia
marina.raskladkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4898-1488>

The article analyzes approaches to creating a chronology of Russia's exploration of Alaska and the Aleutian Islands, highlights historical periods relevant for the main purpose of our research. The goal is to describe the Russian language as a dynamic and integral part of a unique culture formed in the Creole communities, uniting the paternal culture of Russian colonists and the maternal cultures of the indigenous population. This culture lies in the center of social interactions and makes its core. The issue is topical for the present study, since it contributes to our understanding of the phenomena of the interaction of cultures. The Russian period of Alaska is recognized by researchers, both domestic and international, as an important and special epoch in the life of the American state, an epoch which to a great extent determined its history. Alaskan Russian was an intermediary language for the people from the continent and the native speakers of indigenous languages. It was used in communication until the middle of the 20th century. At the moment, the Alaskan Russian language exists as a cultural artifact: to a certain extent, it is known by a few descendants of Creoles of very advanced age. The purpose of this study is to create a historical context of the formation of the Alaskan Russian language and to de-

scribe conditions for its uprise and preservation on the territory of Russian America. We show that the existence of permanent functional settlements in which Russian language was spoken – in the family, in the community, and for trade and professional contacts – determined consolidation of the Russian language, in a number of places in Alaska up to the middle of the XX century. The data presented in the article confirm that the Orthodox tradition and the Russian language that have survived to this day are the main features of Russia's long-term cultural influence in Alaska. The study used both universal scientific methods and special methods of historical research determined by the specifics of the problem, namely: the problem-chronological method, the method of comparative analysis, the systematic method. Exploring the influence of language on social life, the author adheres to the methods of linguistic anthropology and historical anthropology.

Keywords: Alaskan Russian, Alaska, Russian America, colonization, Creoles

Введение. В научной литературе неоднократно отмечается, что возникновение Русской Америки является логическим продолжением процессов освоения русскими Сибири и Дальнего Востока – анализируется сходство и различие колониационных процессов [1], происходит их экстраполяция на мировой опыт [2] и преломление на макроуровне посредством кропотливого исследования микроситуаций [3], расширяется круг исторических материалов и документов, вводимых в научный оборот¹. Возникают новые исследовательские аспекты, например, происходит переосмысление роли императора Петра I в закладывании базы для североамериканской колонизации посредством арктических и азиатско-тихоокеанских преобразований [4].

Именно Петр одобрил Первую Камчатскую экспедицию с целью ответа на вопрос: «Соединяется ли Азия к Северовостоку с Америкой или нет?» [5, с. 7], создал российский флот, пригласил на службу Витуса Беринга, развивал торговые связи с Китаем, чем придал импульс процессам, приведшим к расширению заморской территории России [4]. В многочисленной научной и популярной литературе закрепились дата 15 июля 1741 г. – в этот день Алексей Чириков с корабля «Святой Павел» разглядел очертания американского континента.

На карты «новая земля» была первоначально нанесена как «часть Северной Америки», затем к концу XVIII в. весь северо-западный выступ материка русские исследователи стали именовать Аляской (по названию узкого полуострова, выдающегося в океан к юго-западу – Аласхак, Алахшак, что в переводе с алеутского означало «Большая земля»), а позднее все территории, которыми владела Россия в Новом свете, стали именоваться «Российские колонии в Амери-

ке», «Российские Северо-Американские колонии» [3, с. 4–8]. Появляется и «приобретает права гражданства» собственно термин «Русская Америка» [6, с. 272].

Сразу же после судьбоносного плаванья Беринга – Чирикова началось активная промысловая деятельность коммерческих компаний, начиная с ближних к Камчатке Командорских островов, Алеутских островов. Добывали морских котиков и сивучей (морских львов). Особенно выгодным был промысел шкур каланов (морских бобров), стоимость которых с 10 рублей за шкуру (максимум, в который оценивался «бартер», товары, предоставляемые местному жителю по завышенным колониальным ценам) на торговой границе России с Китаем, в Кяхте, возрастала до 300 рублей [7].

Первоначально купеческие компании были ориентированы на самостоятельную добычу пушного и морского зверя с помощью нанятых в России работников, затем стали собирать в артели представителей местного населения. Жёстко мотивировали их экономически, вводили в зависимость от привозимых товаров и внедряемой новой системы социальных отношений, включающей практику заложничества и аманатства². Развивалась меновая торговля, как прямая, так и посредничество в традиционных межплеменных обменах. Колониальные товары можно было получить не только за добытую пушнину, но и за услуги – разгрузку судов, ловлю рыбы, пошив одежды и пр., а со вре-

² Понятие аманатства часто трактуется расширительно и употребляется как синоним заложничества. Как и заложничество, аманатство подразумевает удержание в плену людей противника в политических целях, целях безопасности, однако в Русской Америке это понятие имело свою специфику. В аманаты русские промышленники забирали чаще не взрослых, а детей представителей коренных народов, преимущественно детей тойонов, чтобы обеспечить лояльность их родителей. Обучаясь русскому языку, аманаты служили в дальнейшем проводниками русской культуры в традиционном обществе, а аманатство постепенно приобретало не только политический и экономический, но и культурный аспекты [7].

¹ См., например: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сборник документов / сост. Т. С. Федорова. – М.: Наука, 1989. – 400 с. и др.

менем также за «марки» – своего рода колониальные деньги [8].

Промысловые компании создавались как на один вояж (который мог длиться лет восемь), так и работали над системным расширением своих коммерческих интересов, проникая на новые территории. Районы промысла были поделены между ними, тем не менее периодически возникали конфликты. К концу XVIII в. «в деле» остались несколько купеческих объединений – компании якутского купца П. С. Лебедева-Ласточкина, иркутских купцов курского происхождения И. И. Голикова и Г. И. Шелихова, иркутян братьев Киселевых. За все время лишь представители двух компаний («лебедевцы» и «шелиховцы») стремились создавать постоянные поселения, осваивать новые территории не только для получения временной выгоды, но для реализации далеко идущих целей.

К 1790-м гг. начался сложный процесс концентрации капитала, приведший к слиянию компаний Голикова, Шелихова и группы иркутских купцов во главе с Н. П. Мыльниковым и тем самым исключивший из торгово-промышленного процесса многочисленных «одиночек», тех, кто не видел смысла в объединении [9]. Результатом стало образование вначале Иркутской Коммерческой компании, затем Соединённой Американской компании, и в дальнейшем – под эгидой императора Российско-американской компании (РАК), которая более полувека монополично представляла интересы России на северо-западе американского континента, вплоть до момента уступки¹ Аляски Соединённым Штатам Америки в 1867 г. [10].

Упомянутые выше «далеко идущие цели» – не только получать немедленную экономическую выгоду от пушных и морских промыслов, но и укреплять и расширять на новой территории присутствие Российской Империи, распространять русское влияние, привносить новые культурные ценности – могли реализовываться лишь в случае постоянных системных контактов сторон.

¹ В настоящее время в научной и популярной литературе используется термин «продажа» Аляски. А. Ю. Петров считает, что правильнее использовать термин «уступка», поскольку он фигурирует в заголовке и тексте Конвенции 1867 г. См.: Конвенция об уступке Северо-Американским Соединённым Штатам Российских Северо-Американских колоний. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901762626> (дата обращения: 24.03.2023). – Текст: электронный.

Несмотря на давний продолжительный интерес учёных из разных областей знаний, исследование процессов и феноменов взаимного влияния народов и культур на Аляске всё еще имеет большие перспективы.

Самым видимым результатом культурного влияния России на Аляске, несомненно, является формирование, распространение и сохранение до настоящего времени особого типа веры, основанного на синтезе православия, культурных ценностей и традиционных верований аборигенных народов [11, с. 5–22]. В настоящее время более 5 % населения штата – православные христиане, действует около 90 приходов, 35 священников².

Так называемое индигенизированное православие [12, с. 152–194] – это один из феноменов взаимного влияния языков и культур. Вторым феноменом, имеющим большие перспективы к исследованию, является необычайная устойчивость и жизнеспособность русского языка в соседстве с языками коренных народов, которые он «колонизовал», и с языком новой американской цивилизации, который «колонизовал» его в свою очередь. Русский язык существовал в ряде мест Аляски как язык общения практически до середины XX в. [13]. Его закреплению и долгому функциональному существованию способствовал ряд факторов, историческую взаимосвязь и взаимообусловленность которых мы хотим подчеркнуть ниже. В связи с этим мы обращаемся к периодизации освоения Аляски.

Методология и методы исследования. В исследовании использованы как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы, а именно: проблемно-хронологический системный, метод сравнительного анализа. В исследовании оснований языковых процессов автор придерживается методов лингвистической антропологии, в фокусе которой находится влияние языка на социальную жизнь, его роль в формировании общения, социальной идентичности и членства в группах, в развитии общих культурных представлений о социальных мирах, и исторической антропологии, базисом которой является междисциплинарность, активный диалог с другими науками и отраслями

² Orthodox Church in America / Diocese of Alaska – URL: <https://www.oca.org/parishes/diocese/AK> (дата обращения: 11.09.2023). – Текст: электронный.

исторического знания, культуросцентрированность, внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, изучение всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях.

Результаты исследования и их обсуждение. Хронологии освоения Аляски: подходы. Взгляды исследователей на хронологии освоения Аляски имеют различные основания. Наиболее известны среди отечественных учёных следующие хронологии.

На основании реализации колонизационных планов России (С. Г. Федорова) [3, с. 70–89]:

1) 1743–1799 гг. – период с начала промысловых работ на самых ближних России Командорских островах до организации в 1799 г. путём слияния капиталов Российско-американской компании и предоставления ей прав на монопольное использование природных ресурсов, осуществление торговли, промыслов, экспедиций и поселений на всех материковых и островных землях в Тихом океане;

2) 1799–1819 гг. – период действий России в южном направлении от полуострова Аляска;

3) 1819–1867 – период направления промысловой деятельности вглубь материка, в северном направлении.

На основании динамики монополии России в Америке (Н. Н. Болховитинов и др.) [14]:

1) 1732–1799 гг. – период с начала Первой Камчатской экспедиции;

2) 1799–1825 гг. – период расцвета Русской Америки, единоначальное управление Россией Аляски, прерванное появлением других стран;

3) 1825–1867 гг. – период, начавшийся с официального пограничного размежевания в регионе с США и Англией и окончившийся переходом территории к Соединённым Штатам.

Другие существующие периодизации так или иначе отталкивались от предмета исследования, являясь вариациями упомянутых. Создавались они в первую очередь историками, для которых важна была некая хронологически обусловленная последовательность действий.

В целях наших исследований истории русского языка на Аляске необходимо было найти иную смысловую опору, иное осно-

вание для выделения значимых периодов, поскольку предметом наших исследований является русский язык, рассматриваемый в динамике как неотъемлемая часть уникальной культуры, сложившейся в среде потомков русских промышленников и местных жителей, культуры, находящейся в центре социальных взаимодействий и эти взаимодействия определяющей.

Этим фактором, выявляющим взаимообусловленность процессов осёдлости и социально-языковых контактов, по нашему мнению, является динамика заселения, устройство постоянных поселений. Ниже представим две хронологии, на наш взгляд, наиболее точно отражающие этот подход. Понятие «освоение» для их авторов не равно управлению, экспансии, захвату, а имеет значение «заселения», длительных контактов с коренным населением, устройства стабильной жизни, периодичности отношений с территорией во всех смыслах этого слова.

«Поселенческие» хронологии. Первая из таким образом обозначенных нами периодизаций принадлежит американскому географу Кирку Стоуну, занимавшемуся планированием территориального развития Аляски в 50-х гг. XX в. Она базируется на картографировании места и времени основания «европейских» (русских и английских) поселений различного типа, с различным количеством проживавших там людей [15, с. 136–150].

По К. Х. Стоуну, процесс русского заселения Аляски представлен тремя периодами:

1) 1741–1784 гг. – открытие Америки и этап промысловых экспедиций на Алеутских островах;

2) 1784–1830 гг. – начало заселения Кадьякского архипелага и экспансия в береговые районы;

3) 1830–1867 гг. – «вход» в Центральную Аляску и в самые северные её точки «северо-западным» путём.

Выделяя 1784 г. как рубежную дату, К. Х. Стоун поддерживает закрепившееся в научной и популярной литературе представление о том, что в этом году Григорием Шелеховым было основано первое постоянное русское поселение на острове Кадьяк [16, с. 91–108]. С. Г. Федорова утверждает, что это произошло гораздо раньше, на Алеутских островах. По её мнению, тобольский купец Иван Соловьев «построился» в 1772 г. именно здесь, создав на Уналашке, одном из

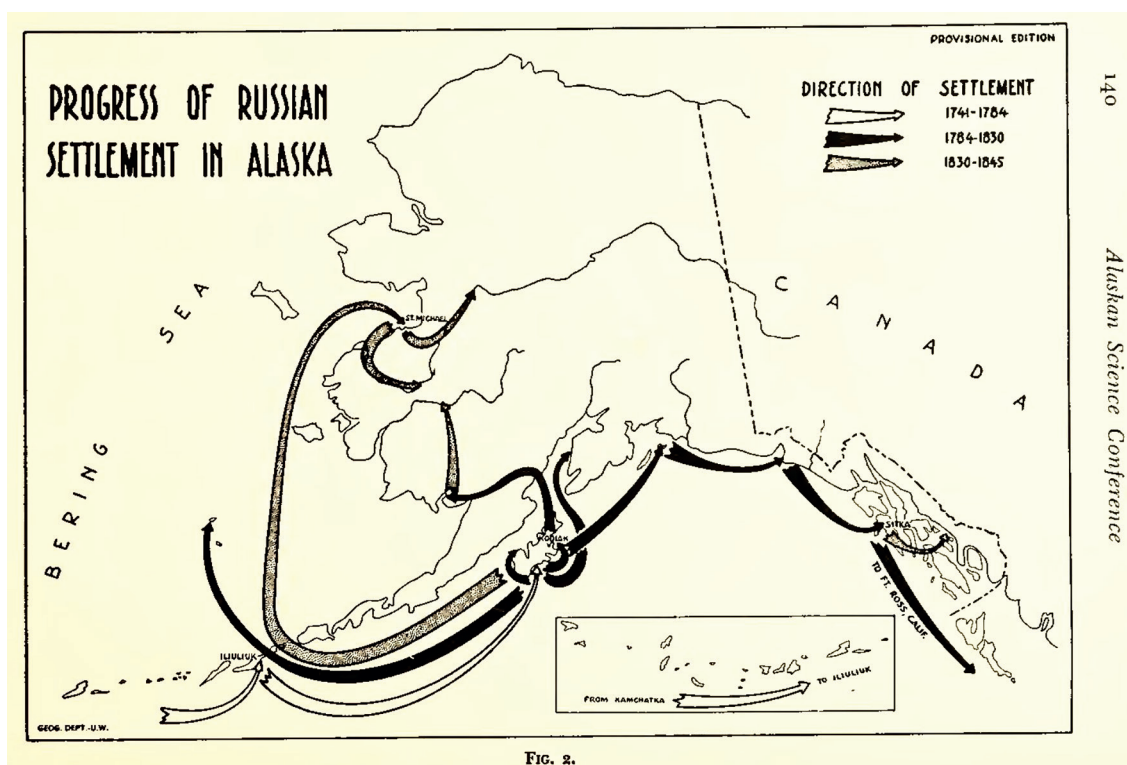

FIG. 2.

Динамика и направление заселения Аляски русскими (по К. Н. Stone) [15, с. 140]

Progress of Russian Settlement in Alaska (K. H. Stone)

самых крупных островов Алеутской гряды, в так называемой «Голландской гавани» (Датч Харбор), некую опорную базу для путешествий далее, на север [3, с. 78]. Отметим, что существовали попытки доказать гораздо ранее появление русских на Аляске за век или два до этого [17, с. 24–30], однако С. Г. Федорова развенчивает эту гипотезу [3, с. 12–63].

В свете наших интересов, состоящих в изучении коммуникативных процессов и социальной роли языка, нам видится особенно важным, что:

– во-первых, «заселение» для Стоуна-географа означает не просто изменение ландшафта, а «влияние», которое, по его мнению, основано в первую очередь на культурных контактах с местными жителями, т. е. не может не иметь характера постоянства;

– во-вторых, как показывает картографический материал, представленный в упомянутой работе [15, с. 140, 143, 148], это влияние: а) ареально; б) различается в разных регионах Аляски; в) зависит от функционала создаваемых поселений.

Эта же идея «постоянных поселений» легла в основу ещё одной хронологии освоения Америки. Её автор – архитектор

А. В. Молодин подробно изучил типы построек на территории Русской Америки и соотнёс их с сибирскими. В процессе освоения Аляски промышленники сталкивались с той же проблемой, что и «пионеры» освоения Сибири и Северной Америки, – создание сети опорных населённых пунктов и строительства в них жилья. Первоначально промышленники из-за несовершенства судов не могли продолжать навигацию в зимнее время. Они вынуждены были останавливаться на островах и строить так называемые зимовки. Постоянные поселения в тот период были невыгодны и нефункциональны, для их строительства необходим был лес, на островах практически отсутствующий, к тому же обустройство отнимало время от охоты. Они могли возникнуть уже там, где требовалось осесть основательно, создать структуру постоянных морских стоянок с ключевыми портами, соответственно выстроить деревню по особой структуре – по типу сибирских городов. И это, по мнению А. В. Молодина, случилось именно на Кадьяке [18, с. 141–148]. Тут он тоже polemизирует со С. Г. Федоровой по поводу определения времени возникновения первого поселения, утверждая, что на Уналаш-

ке вплоть до начала XIX в. регулярно, раз в два-три года, останавливались многочисленные партии промысловиков, однако только с восстановлением популяции каланов на острове появляется постоянное поселение РАК, получившее название Доброго Согласия [19, с. 48–62].

Таким образом, периодизация А. В. Молодина базируется на ключевых временных периодах, основанных на формировании осёдлости и «правильного» типа поселения, зависящего от типа взаимодействия промысловиков с местными жителями [Там же]. И мы возьмем её за основу краткого описания процессов, связанных с появлением и существованием русского языка в разных местах Аляски, и наполним конкретными примерами.

Начало I этапа – 1743 год. Первая промысловая экспедиция Е. Басова на самые ближние к России необитаемые острова Алеутской гряды – Командорские, заселение этих островов жителями с островов Атту и Атха. Также на Командорах селились русские с Камчатки и Дальнего Востока, эскимосы, индейцы-тлинкиты и др. К середине XIX в. промыслы перемещаются на Алеутские острова [20, с. 80]. В 1768 г. самый крупный остров Уналашка становится основным российским портом, через который идёт торговля пушниной.

Начало II этапа – 1784 год. Основание Григорием и Натальей Шелеховыми русского поселения в Гавани Трёх Святителей на острове Кадьяк [9, с. 41–44]. Кадьяк в силу своего географического положения был важным узловым пунктом присутствия русских в Америке. Было положено начало первой русской фактории для установления торговых отношений с местными жителями – эскимосами аляуток и строительство постоянного порта с доками для ремонта кораблей. Это был качественно новый этап российской колонизации. В течение следующих двух лет на Кадьякском архипелаге организуется артель в селении Карлук, строятся крепости – на близком к Кадьяку острове Афогнак, на острове Шуяк, у входа в Кенайский залив.

Прибывший в 1791 г. новый правитель шелеховской компании Александр Баранов принимает решение перенести поселение из гавани в другую часть Кадьяка, где было более надёжное место для стоянки судов, имелся лес для строительства, а также была меньше угроза прилива. Новое посе-

ление, названное Павловская Гавань, или Павловск, строилось уже практически по классическому образцу сибирских городов того времени [18, с. 141–148]. Они обычно состояли из компанейского района (дом правителя, казармы для наёмных работников, склад), поселенческого района (где строили свои дома русские или смешанные семьи) и слободы местных жителей [19, с. 48–62].

На Кенайском полуострове одновременно с «шелеховцами» освоением новых территорий занимались промышленники якутского купца П. С. Лебедева-Ласточкина, которые, как упоминалось, тоже придерживались стратегии основания поселений. Так возникли Георгиевский редут на реке Касилов и Николаевский редут на реке Кенай, поселения – Качемак, Касилов, Кенай, Кнык, Матануска, Селдовия, Туюнак, Илиамна [3, с. 101].

К началу 1800-х гг. созданы круглогодичные поселения алеутов на ранее необитаемых островах Прибылова [21, с. 33–51], где было открыто место размножения морских котиков, имеющих ценный мех [22, с. 132].

Крепости в заливах Принца Вильямса (Чугацком) и Якутат просуществовали недолго – отношения с атабасками атна, индейцами эяк и тлинкитами были сложными, те совершали набеги на поселения россиян, что не способствовало стабильному добрососедству и закреплению на территории.

Начало III этапа – 1799 год. Начало нового этапа совпадает с основанием Российско-американской компании и её монополией использования всех материковых и островных земель в Тихом океане. На острове Баранова на юго-востоке основан Ново-Архангельск, который с 1808 г. становится местопребыванием Главного правителя колоний, новой столицей Русской Америки. После изменения статуса город стал быстро разрастаться. Менее чем за десять лет была построена крепость, около 60 деревянных домов по типу сибирских изб – на одну семью, церковь, верфь, школа, мастерские. Население Ново-Архангельска было смешанным (русские, немцы, финны, алеуты, креолы) и увеличивалось. Так, в 1812 г. оно составляло 636 человек (из них выходцев из России 495), в 1836 г. – 813 (309 россиян), в 1863 г. – 1045 (468 россиян)¹. Все колониальные земли были разделены на

¹ Цит. по: Соловьева К. Столица Русской Америки // Архитектура СССР. – 1991. – № 2. – С. 106–115.

шесть отделов и координировались отсюда, из Ново-Архангельска. В 1840 г. Ново-Архангельск стал одним из епархиальных центров.

В 1812 г. в Северной Калифорнии было основано селение и крепость Росс – самое южное из русских поселений в Америке. В нём построили укрепленный форт, часовню, судостроительную верфь, возделывали землю, развивали скотоводство, земледелие, садоводство, виноградарство, производство мебели и другие вещи из дерева и кожи, обработку меди. Русский язык туда пришёл не только с русскими колонистами, но и с привезёнными кадьяками, которые «уже освоились и с русским языком, и с русскими обычаями»¹.

В 1836 г. колония состояла из нескольких небольших поселений – ранчо, число их жителей составляло 260 человек – «56 россиян, 115 креолов, 50 алеутов и 39 крещеных индейцев». Там жили крестьяне из самых различных губерний Российской империи, преимущественно из северных: Енисейской, Олонецкой, Гжатской, Тобольской, Нарымской, Иркутской, Архангельской, а также из Вологодской, Ярославской, Тверской и Витебской². Проводил службы и перепись населения о. Иоанн Вениаминов. Из-за сложностей управления территорией крепость была упразднена в 1848 г.

В это же время Россия пыталась закрепиться на Гавайских островах, король острова Кауаи в 1816 г. подписал акт верности российскому императору Александру I и несколько экономических контрактов и документов о передаче земли под факторию РАК. На одном берегу острова была построена Елизаветинская крепость, а на другом – Александровская и Барклаевская. Однако американцы вынудили короля расторгнуть отношения с Россией. Русская история Гавайев закончилась, не успев начаться. На острове остались лишь фрагменты строений³.

Начало IV этапа – 1830 год. Двигаться в северные районы материка Российско-американскую компанию заставляла усиливающаяся англо-американская экспансия

¹ Николай (Зиоров), еп. Поездки в форт Росс // Американский православный вестник. – 1897. – № 17. – С. 345.

² Цит по: Петров В. П. Русские в истории Америки. – М.: Наука, 1991. – С. 64.

³ Несостоявшийся форпост. – Текст: электронный // Русский мир. – 2023. – 5 мая. – URL: <https://rusmir.media/2020/05/05/hawaii> (дата обращения: 09.11.2023).

на юге и юго-востоке, а также истощение запасов морского зверя по береговой линии и на островах. В ходе ряда экспедиций были исследованы крупнейшие реки – Юкон и Кузкоквим, их притоки и междуречья, обобщены сведения о природе и народах Аляски, населяющих внутренние районы, установлены контакты с местным населением – эскимосами юпик, индейцами-атабасками⁴. Результатом стало строительство ряда укрепленных редутов и одиночек. Они представляли собой отдельные поселения в глуши, состоящие из нескольких компанейских строений и 2–3 домов местных жителей, задействованных в обеспечении жизнедеятельности редута.

В 1845 г. в эскимосском селении Икогмют была организована Квихпакская миссия (совр. *Russian Mission*). Это было единственное поселение РАК, размещённое не в укрепленном редуте, а внутри аборигенного посёлка.

Говоря о связи процессов освоения русских колоний в Америке с процессами закрепления русского языка, необходимо отметить, что на разных территориях Аляски различалась не только структура поселений, но и трудовые и социальные отношения с местными жителями. Жители Внутренней Аляски относились к «полузависимым» [23, с. 141–146]. «Зависимые» – алеуты и кадьякские эскимосы-коняги, обязаны были служить Российско-американской компании, их привлекали к охоте на морского зверя, объединяя в промысловые партии. Все зависимые инородцы были крещены в православии. «Независимые» – тлинкиты, жили по своим законам, нередко они конфликтовали с РАК. «Полузависимые» – атабаски и эскимосы Внутренней Аляски – привлекались на службу в Компанию по мере возможности. С ними нужно было организовывать торговые контакты, заручаться их поддержкой как

⁴ См.: Загоскин Л. А. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведена лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах // Путешествия к американским берегам. – М., 2007. – С. 335–506; Корсаковский П. А. Отчет об экспедиции П. Корсаковского и Ф. Колмакова, служащих Российско-американской компании с о. Кадьяк для обследования берегов Америки к северу от Аляски, совершенной 17 апреля – 4 октября 1818 года на байдарках (журнал плавания из Камчатки в Америку): рукопись. 1817. – URL: <https://knram.rusneb.ru/kp/item62047> (дата обращения: 13.05.2023). – Текст: электронный; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841: сб. документов. – М.: Наука, 2005. – С. 293–299.

проводников и переводчиков, использовать их умение выживать и перемещаться в суровых климатических условиях.

Контракт промышленников с РАК на работу на Аляске заключался минимум на семь лет, а в реальности мог продолжаться и больше, так что женский вопрос, как и при колонизации Сибири, имел место, длительные отношения с местными женщинами были неизбежны. Достаточно часто мужчины после окончания срока службы возвращались на родину, к законной семье, а его аляскинских детей могли забирать в местную общину. Однако всё чаще происходили такие процессы, как заключение постоянных союзов, мужчины считали их действительными браками, признавали отцовство и по возможности увозили жён и детей на Камчатку, в Охотск, в другие свои родные места. При отсутствии священника мужчины сами составляли брачные контракты, которые затем могли засвидетельствовать служащие Компании [24, с. 112].

К моменту создания РАК в ней было уже достаточно много лиц смешанного происхождения, иногда второго или третьего поколения, и это количество постоянно росло. Поэтому руководство стремилось создать из нового нарождающегося «сегмента» надёжную и лояльную постоянную рабочую силу, мужчин и женщин, которые были бы преданы земле Аляски и культуре и политическому порядку России. Так возникли креолы. Упоминание этой общности в контексте нашего исследования необходимо, поскольку её формирование и существование стало залогом формирования аляскинского русского языка, его существования и локального сохранения в своём активном употреблении практически до середины XX в.

Креолы – носители аляскинского русского языка. Традиционно «креол» означает представителей этнорасовых общностей смешанного происхождения из колоний Франции, Испании, Португалии в Новом свете, чьи предки сюда «пришли», т. е. были рождены не здесь. Однако для Аляски этот термин приобрёл особое этносоциальное, этноязыковое значение, поскольку относился к потомкам русских промышленников с местными женщинами (представительницами алеутских, эскимосских, атабаскских народов), сохранившим религиозную, культурную и языковую самобытность, сформирова-

ровавшуюся при контакте отцовской и материнской культур [25, с. 94–104].

Именно благодаря процессам креолизации возник и оформился аляскинский русский язык – особый региональный тип русского языка, вобравший в себя лингвистические особенности различных коренных языков Аляски [13; 33], отличающийся от русского языка современных переселенцев из России, а также языка русских староверов [26, с. 73–81].

Реализуя главный принцип при освоении территории – принцип культурной экспансии, Российско-американская компания и православная церковь организовали систему обучения вначале местных жителей, а затем и креолов в школах и церковно-приходских училищах, открытых на Аляске. Креолы знали как минимум два языка – русский и язык матери (а в дальнейшем и английский), осваивали ремёсла и квалифицированные профессии, такие как судостроение, механика, их отправляли в Россию в навигацкие школы, медицинские школы, духовные училища, затем брали на службу в Компанию на управленческие должности [27, с. 74–89]. Для Компании они являлись главным кадровым ресурсом [28, с. 363–384]. И залогом существования этой системы некоего социального лифта служило многоязычие.

После перехода Аляски к Соединённым Штатам её новое руководство ещё долгое время было вынуждено учитывать этнический и языковой бэкграунд территории, осуществляя её охрану и экономическое развитие. Самые ранние сведения о потребности «новых хозяев» изучать русский язык мы обнаруживаем в источниках, созданных буквально через год после этого судьбоносного геополитического события.

В 1868 г. на Кадьяк прибывает отряд армии США с целью охраны правопорядка. Офицер дивизиона Эли Хаггинс, влюбившись в креольскую девушку Александру Кашеварову, начинает учить русский язык и даже пишет по-русски личный дневник¹.

Сотрудниками Alaska Commercial Company (ACC), выкупившей активы РАК, в большинстве своём были те же креолы, ранее работавшие на РАК. Англо-американские торговцы и администрация были вынуждены изучать русский язык или находить переводчиков для общения со своими кре-

¹ Huggins Eli. Kodiak and Afognak life, 1868–1870. – Kingston: The Limestone Press, 1981. – 165 p.

ольскими и аляутскими служащими [29]. Эти данные мы можем подкрепить мемуарной литературой¹, а также образцами деловой документации АСС, обнаруженной нами в архиве Библиотеки Университета Аляски в Фэрбенксе во время экспедиции в 2019 и 2021 гг.² Большинство исследованных служебных документов относятся к территориям «пенсионеров» – поселениям, созданным Российско-американской компанией ещё до продажи Аляски для своих сотрудников, тех, кто после окончания срока службы в силу различных причин не мог или не хотел возвращаться в Россию [30]. Это Нинильчик на Кенайском полуострове и Афогнак и Узинки на Кадьякском архипелаге. Именно в этих поселениях русский язык существовал практически до середины XX в.

Американец славянского происхождения, священник, просветитель, идеолог мультикультурного образования Майкл Олекса в 1970-е гг. XX в. прибыл на Аляску для служения и, как он пишет, встречал в это время на Кадьяке людей, говоривших и даже писавших на трёх языках – русском, аляутике (язык коренного населения) и английском [31, с. 71]. Эти языковые компетенции, конечно, уже не носили массового характера, однако само их существование даже у отдельных личностей подчёркивало необычайную живучесть русского языка.

Лингвисты обратили внимание на этот феномен в 1985 г. В это время собраны первые языковые данные в Нинильчике [32] и в поселениях Кадьякского архипелага [33]. Впоследствии учёным удалось описать [34, с. 320–335] и задокументировать³ нинильчикский диалект, которым сейчас владеют лишь два очень пожилых человека, а также провести интервью и лингвистические сессии с носителями кадьякского и афогнакского диалектов. Если в 2009 г. полтора десятка человек могли породить короткие высказывания, знали отдельные слова, в разной степени понимали обращённую речь⁴, то

¹ Jacobs J. A schoolteacher in Old Alaska: The story of Hanna Breese. – N. Y., 1995. – 302 p.

² Guide to the Alaska Commercial Company Records, 1868–1913. Collection number: USUAF3 / University of Alaska Fairbanks, Alaska Polar Regions Collection.

³ Bergelson M., Kibrik A., Leman W., Raskladkina M. Dictionary of Ninilchik Russian. – Anchorage, 2017. – 148 p.

⁴ National Science Foundation IPY project Documenting Alaskan and Neighboring Languages (0732787). Alaska Native Language Archive. – URL: <https://www.uaf.edu/anla/record.php?identifier=RU008G2008> (дата обращения: 23.03.2023). – Текст: электронный.

в 2019 г. таких людей было лишь двое⁵, и вскоре, буквально в течение года, они скончались. В настоящее время русский язык на Аляске существует не как язык общения, а как культурный конструкт, феномен, хранящийся в памяти многочисленных потомков русских поселенцев, признающих русскую культуру как неотъемлемую часть аборигенной и русское наследие своей семьи как не поддающееся сомнению и переосмыслению.

Заключение. Свидетельства о характере размещения и функциях бывших русских поселений на Аляске (45 из ныне существующих американских населённых пунктов устроены на местах, изначально устроенных русскими) [15, с. 136], могут создать неверное впечатление, что под контролем России находились огромные территории. Однако статистика населения, фиксируемая в переписях РАК и церковных книгах, утверждает, что одновременно на многих тысячах квадратных километров количество русских не превышало тысячи человек. И нога колонистов не ступала на большую часть территории Аляски. Несмотря на столь малую плотность населения и нерегулярные контакты в большинстве отдалённых мест, русский язык локально сохранился в своём активном употреблении практически до середины XX в. – благодаря аляскинским креолам.

Подходы, изложенные в базовой для нашего исследования «поселенческой» хронологии освоения Аляски, иллюстрируют самые важные условия для проникновения русского языка на различные территории Аляски и Алеутских островов и его закрепления. Эти условия следующие:

- локализованная осёдлость носителей языка (русских, затем креолов);
- постоянные контакты («культурное влияние»);
- функциональная среда, т. е. коммуникативные практики, благодаря которым язык существует (из практик мы выделяем: *семейную* – общение в семье, *социальную* – языки и круги общения в месте жительства, *религиозную* – служба в церкви, деятельность церковной общины, *профессиональную* – использование языка в процессе трудовой деятельности, *образовательную* – языковую политику в школе).

⁵ Интервью экспедиции 2019 года находится в рабочем архиве Института языкознания РАН.

Перспективой исследования мы видим описание истории русского языка в местах его исторического существования на Аляске и Алеутских островах в контексте изменения его роли, места, значимости, практик, кон-

текстов функционирования в жизни русских промышленников и их потомков, с начала русской колонизации Аляски и до настоящего времени, в тесном контакте с языками коренных народов и английским языком.

Список литературы

1. Болховитинов Н. Н. Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски: сходство и различие // *Acta Slavica Iaponica*. 2003. № 20. С. 109–125.
2. Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в.: очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. 372 с.
3. Федорова С. Г. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М.: ЛомоносовЪ, 2015. 264 с.
4. Петров А. Ю. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. Рязань, 2022. 280 с.
5. Берг Л. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. 412 с.
6. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815). М.: Наука, 1966. 640 с.
7. Петров А. Ю., Савельев И. В. Петровская эпоха и развитие института аманатства на Дальнем Востоке и севере Тихого океана // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2022. № 2. С. 48–57.
8. Гринев А. В. Специфика товарообмена русских с туземцами Аляски в 1741–1867 гг. // *Антропологический форум*. 2016. № 29. С. 66–98.
9. Петров А. Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь Мир, 2012. 320 с.
10. Петров А. Ю. Русская Америка: регион российско-американского сотрудничества. Текст: электронный // *История*. 2019. Т. 10, вып. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840008213-3-1> (дата обращения: 24.03.2023).
11. Znamensky A. Dena'ina Orthodox Chapels as a Native Institution (1871–1917) // *Acta Americana*. 2000. No. 2. P. 5–22.
12. Vinkovetsky I. Building a Diocese Overseas: the Orthodox Church in Partnership with the Russian-American Company in Alaska // *AB Imperio*. 2010. No. 3. P. 152–194.
13. Bergelson M. B., Kibrik A. A., Raskladkina M. K. The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion // *Quaestio Rossica*. 2020. No. 8. P. 916–938.
14. История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. М.: Междунар. отношения, 1997. Т. 1: Основание русской Америки (1732–1867); 1999. Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825); Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867).
15. Stone K. H. Some Geographic Bases for Planning New Alaskan Settlements // *Science in Alaska: Selected papers of the Alaskan science conference of the National Academy of Science, National Research Council*. Washington, 1952. P. 136–150.
16. Гринёв А. В., Макарова Р. В. Дальнейшее развитие пушного промысла у берегов Аляски // *История Русской Америки (1732–1867)*. Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799. М.: Междунар. отношения, 1997. С. 91–108.
17. Савельев И. В. Ранние русские поселения на Аляске: миф или реальность // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. 2012. № 5. С. 24–30.
18. Молодин А. В. К вопросу преемственности культурных традиций коренного населения Сибири с индейцами Северной Америки на примере строительства жилых сооружений // *Ползуновский вестник*. 2013. № 4–1. С. 141–148.
19. Молодин А. В. Планировка и застройка крупнейших поселений Русской Америки первой половины XIX века. Ч. 1 // *Известия вузов. Строительство*. 2017. № 4. С. 48–62.
20. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968. 260 с.
21. Eldridge K. An Analysis of Archaeofauna Recovered from a Russian Period Camp on St. Paul Island, Pribilof Islands, Alaska // *Arctic Anthropology*. 2016. Vol. 53, no. 2. P. 33–51.
22. Black L. *Russians in Alaska (1732–1867)*. Fairbanks, AK, 2004. 344 p.
23. Ermolaev A. N. Sale of Alaska to the United States of America and the fate of the Russian inhabitants of the colonies // *Actual problems of the study of Russian civilization in the Far East: Proceedings of the interregion. conf.* Khabarovsk, 2009. P. 141–146.
24. Окунь С. Б. *Российско-американская компания*. М.: Концептуал, 2019. 392 с.
25. Питерская Е. С. Креолы Аляски в свете процессов межкультурного взаимодействия // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 6. С. 94–104.

26. Головкин Е. В. Русский язык на Аляске (по материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб.: Наука, 2011. С. 73–81.
27. Гринев А. В. Специфика вертикальной социальной мобильности креольского населения Русской Америки // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 74–89.
28. Smith-Peter S. "A Class of People Admitted to the Better Ranks": The First Generation of Creoles in Russian America, 1810s – 1820s // Ethnohistory. 2013. Vol. 60. P. 363–384.
29. Luehrmann S. Alutiiq villages under Russian and U. S. rule. Fairbanks, AK, 2008. 204 p.
30. Arndt K. L. "Released to Reside Forever in the Colonies": Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska // Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska: Proceedings of a Symposium / ed. by N. Y. Davis and W. E. Davis. Cook Inlet Historical Society, 1996.
31. Bates C., Oleksa M. Conflicting landscapes: American Schooling & Alaska Natives. Anchorage, 2008. 264 p.
32. Daly C. Russian Language Death in an Alaskan village / Unpublished paper, 1985. 15 p. // Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).
33. Daly C. Russian language field work on Kodiak Island. Unpublished paper, 1985. 3 p. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).
34. Bergeson M., Kibrik A. The Ninilchik variety of Russian: linguistic heritage of Alaska // Slavica Helsingiensia. 2010. No. 40. P. 320–335.

Информация об авторе

Раскладкина Марина Константиновна, кандидат политических наук, Инженерно-технологический центр «СканЭкс»; 121059, Россия, г. Москва, Бережковская наб., 20, стр. 6, оф. 36; marina.raskladkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4898-1488>.

Для цитирования

Раскладкина М. К. Русский язык на Аляске: культурно-исторический след российского освоения Северной Америки // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 176–187. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-176-187.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 27.03.2024.

References

1. Bolkhovitinov, N. N. Continental colonization of Siberia and marine colonization of Alaska: similarities and differences. Acta Slavica Iaponica, no. 20, pp.109–125, 2003. (In Rus.)
2. Akimov, Yu. G. North America and Siberia in the Late 16th – mid-18th Centuries: an Essay on the Comparative History of Colonization. St Petersburg, 2010. (In Rus.)
3. Fedorova, S. G. Russian America: from the first settlements to the sale of Alaska. The end of the XVIII century – 1867. M: Lomonosov, 2015. (In Rus.)
4. Petrov, A.Yu. Peter the Great Era and the development of the North Pacific Ocean. Ryazan', 2022. (In Rus.)
5. Berg, L. The discovery of Kamchatka and the Bering Expedition. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1935. (In Rus.)
6. Bolkhovitinov, N. N. Formation of Russian-American relations (1775–1815). M: Nauka, 1966. (In Rus.)
7. Petrov, A. Yu., Savelyev, I. V. Era of Peter the Great and the development of the institute of amanats in the Far East and North Pacific. Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences, no. 2, pp. 48–57, 2022. (In Rus.)
8. Grinev, A. V. The specifics of the exchange of goods between Russians and Alaska natives in 1741–1867. Antropologicheskii forum, no. 29, pp. 66–98, 2016. (In Rus.)
9. Petrov, A. Yu. Natalia Shelikhova at the origins of Russian America. M: Ves' Mir, 2012. (In Rus.)
10. Petrov, A. Yu. Russkaya Amerika: Russian America: the region of Russian-American cooperation. Istoriya, no. 12, 2019. (In Rus.)
11. Znamensky, A. Dena'ina Orthodox Chapels as a Native Institution (1871–1917). Acta Americana, no. 2, pp. 5–22, 2000. (In Eng.)
12. Vinkovetsky, I. Building a diocese overseas: the orthodox church in partnership with the Russian-American company in Alaska. AB Imperio, no. 3, pp.152–194, 2010. (In Eng.)

13. Bergelson, M. B., Kibrik, A. A., Raskladkina, M. K. The language of a lost Russian region in the historical context of Russia's eastward expansion. *Quaestio Rossica*, no. 8, pp. 916–938, 2020. (In Eng.)
14. History of Russian America, 1732–1867. M: 1997–1999. (In Rus.)
15. Stone, K. H. Some Geographic Bases for Planning New Alaskan Settlements. *Science in Alaska: Selected papers of the Alaskan science conference of the National Academy of Science, National Research Council*. Washington, 1952: 136–150. (In Eng.)
16. Grinev, A. V., Makarova, R. V. Further development of fur fishing off the coast of Alaska. *History of Russian America (1732 – 1867)*. M: Mezhdunar. otnosheniya, no. 1, pp. 91–108, 1997. (In Rus.)
17. Savel'ev, I. V. Early Russian settlements in Alaska: myth or reality. *SAFU bulletin*, no. 5, pp. 24–30, 2012. (In Rus.)
18. Molodin, A. V. On the question of the continuity of the cultural traditions of the indigenous population of Siberia with the Indians of North America on the example of the construction of residential structures. *Polzunovsky Bulletin*, no. 4, pp. 141–148, 2013. (In Rus.)
19. Molodin, A. V. Planning and construction of the largest settlements of Russian America in the first half of the XIX century: Part 1. *News of universities. Construction*, no. 4, pp. 48–62, 2017. (In Rus.)
20. Makarova, R. V. Russians in the Pacific in the second half of the XVIII century. M: 1968. (In Rus.)
21. Eldridge, K. An Analysis of Archaeofauna Recovered from a Russian Period Camp on St. Paul Island, Pribilof Islands, Alaska. *Arctic Anthropology*, no. 2, pp. 33–51, 2016. (In Eng.)
22. Black, L. *Russians in Alaska (1732–1867)*. Fairbanks, AK, 2004. (In Eng.)
23. Ermolaev, A. N. Sale of Alaska to the United States of America and the fate of the Russian inhabitants of the colonies. *Actual problems of the study of Russian civilization in the Far East: Proceedings of the interregion. conf.* Khabarovsk, 2009: 141–146. (In Rus.)
24. Okun', S. B. *Russian-American company*. M: Konceptual, 2019. (In Rus.)
25. Piterskaya, E. S. Alaska Creoles in the light of the processes of intercultural interaction. *Ethnographic Review*, no. 6, pp. 94–104, 2007. (In Rus.)
26. Golovko, E. V. Russian language in Alaska (Based on the materials of the expeditions of 2008 and 2009). *Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage*. 2010, pp. 73–81, 2011. (In Rus.)
27. Grinev, A. V. The specifics of vertical social mobility of the Creole population of Russian America. *Ethnographic Review*, no. 2, pp. 74–89, 2011. (In Rus.)
28. Smith-Peter, S. "A Class of People Admitted to the Better Ranks": The First Generation of Creoles in Russian America, 1810s-1820s. *Ethnohistory*, no. 60, pp.363–384, 2013. (In Eng.)
29. Luehrmann, S. *Alutiiq villages under Russian and U. S. rule*. Fairbanks, AK, 2008. (In Eng.)
30. Arndt, K. L. "Released to Reside Forever in the Colonies": Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska. *Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska: Proceedings of a Symposium*. 1996. (In Eng.)
31. Bates, C., Oleksa, M. *Conflicting landscapes: American Schooling & Alaska Natives*. Anchorage, Alaska, 2008. (In Eng.)
32. Daly, C. Russian Language Death in an Alaskan village. Unpublished paper, 1985. 15 p. Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks). (In Eng.)
33. Daly, C. Russian language field work on Kodiak Island. Unpublished paper, 1985. (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks). (In Eng.)
34. Bergelson, M., Kibrik, A. The Ninilchik variety of Russian: linguistic heritage of Alaska. *Slavica Helsingiensia*, no. 40, pp. 320–335, 2010. (In Eng.)

Information about the author

Raskladkina Marina K., Candidate of Political Science, ScanEx Engineering and Technology Center, 20 Berezkhovskaya emb., Moscow, 121059, Russia; marina.raskladkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4898-1488>.

For citation

Raskladkina M. K. *Alaskan Russian: Cultural and Historical Trace of the Russian Expansion in North America* // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 176–187. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-176-187.

Received: February 20, 2024; approved after reviewing March 25, 2024; accepted for publication March 27, 2024.